

Бай Сяньчэнь вернулся на Пик Десяти Тысяч Образов. Линь Цзин, лишившийся своего духовного зверя, следовал за ним по пятам, явно вознамерившись не отступить ни на шаг, пока питомец не найдется.

Бай Сяньчэнь не обращал на него внимания, потирая пальцами компас фэншуй в рукаве. Повинуясь указаниям Лопаня, он шёл, пока не остановился перед Зеркалом Десяти Тысяч Образов.

Изначально этот магический артефакт принадлежал главе секты Се Уцзю, но сейчас им управлял Старец Ста Трав. Внутри Зеркала таились десятки тысяч иллюзий; обычно оно было закрыто для посторонних, и только в созданные лично Старцем Ста Трав миры можно было перемещаться. Это было некое складное многомерное пространство, служившее одновременно учебным классом для учеников Пика Десяти Тысяч Образов и самой удобной тренировочной площадкой во время Великих церемоний принятия учеников.

Ван Кэ, присматривавший за зверьем на этом пике, наверняка работал в одной из фиксированных локаций внутри Зеркала.

Бай Сяньчэнь догадывался, что на месте работы Ван Кэ случилось некое ЧП, приведшее к смерти юноши и исчезновению зверя, а вместе с ними там же, скорее всего, затерялась и нужная памятная вещь.

У Бай Сяньчэня мгновенно разболелась голова.

Линь Цзин, увидев Зеркало, тоже помрачнел:

— Только ученики этого пика могут зафиксировать координаты внутри. Я здесь чужой и вряд ли смогу тебя там отыскать. Ты правда собираешься входить? А если снова потеряешься, где мне тебя искать?

В этом и заключалась загвоздка.

Зеркало Десяти Тысяч Образов само по себе было грозным артефактом, таящим бесчисленные опасные видения: случайный гость мог запросто лишиться там жизни или в лучшем случае выйти без кожи. После доработок Се Уцзю и Старца Ста Трав оно стало куда мягче, но теперь считалось «частной собственностью» пика, и посторонним вход туда был заказан, за исключением дней Церемонии.

Только старейшины и местные ученики могли при каждом входе точно перемещаться в нужное место для долгой работы. Всех прочих закидывало в случайные точки, и Зеркало вскоре буквально «выплевывало» их обратно.

Бай Сяньчэнь в прошлом не принадлежал к этому пику. Он бывал в Зеркале лишь во время своего вступления в секту, а после и близко к нему не подходил.

Если войти сейчас наугад, шансы попасть в нужное место стремились к нулю.

Но выбора не было.

Компас фэншуй указывал прямо вглубь Зеркала – очевидно, вещь Ван Кэ была там. Он уже приложил столько усилий, не отступать же теперь? Раз уж пришел, да и задаток уже получен...

«Трудно же даются эти двести призрачных кристаллов! Придется показать, на что я способен

на самом деле!»

Бай Сяньчэнь тяжело вздохнул и, не дожидаясь новых слов Линь Цзина, шагнул к артефакту.

На ходу он выставил компас фэншуй перед собой, направив его на поверхность Зеркала.

Опасаясь, что «память» этого старья переполнится и артефакт треснет прямо в руках, Бай Сяньчэнь активировал его внутренней силой, мысленно читая заклинание: «Огнем веда, тайное яви!»

Линь Цзин не успел среагировать, как фигура Бай Сяньчэня растворилась в зеркальной глади. Он не заметил слабой вспышки пламени, сорвавшейся с компаса в момент соприкосновения с Зеркалом. Несколько искр рассыпались внутри, мгновенно разделившись на бесчисленные огненные нити, пока в итоге не осталась лишь одна, мерцающая во тьме.

Мощная сила втянула Бай Сяньчэня внутрь.

Мир крутанулся перед глазами, и юношу выбросило из пустоты. Он ловко перекатился и замер в защитной стойке, упершись руками в землю. Убедившись, что угрозы нет, он поднялся.

Вокруг раскинулась бескрайняя степь. Куда ни глянь – изумрудные волны травы. Над головой ни солнца, ни облаков – лишь безупречная, почти фальшивая лазурь неба.

Бай Сяньчэнь наклонился, чтобы поднять выроненный при падении компас, и попутно коснулся сочной зелени у ног. Трава была приятной на ощупь, очень реалистичной, вот только совсем не пахла и обжигала холодом.

Температура здесь была аномально низкой. Мороз пробирал до костей, заставляя Бай Сяньчэня дрожать. Он плотнее запахнул халат, пытаясь согреться, но чем дольше он здесь находился, тем сильнее становилась стужа.

«Черт! Это что, снежные горы в обличье степи?»

Бай Сяньчэнь снова осмотрелся. Весь этот пейзаж от земли до неба кричал о своей искусственности. Ни единого следа духовных зверей – это точно не то место, где работал Ван Кэ.

Очевидно, этот компас-развалина снова напутал и затащил его невесть куда.

Бай Сяньчэнь зло рассмеялся, схватил Лопань и со всей силы швырнул его прочь:

— Опять подставил! Клянусь, я найду того, кто тебя переплавит!

Обычно безжизненный компас внезапно выпустил четыре короткие механические лапки и, подобно черепахе, удержался на земле. Как только равновесие было восстановлено, лапки изнуренно втянулись обратно.

Лопань преспокойно улёгся в траву.

От этой наглой позы у Бай Сяньчэня внутри всё закипело.

К счастью, компас, видимо, мерз не меньше хозяина: спустя мгновение он снова высунул лапки, приполз обратно и начал неистово вибрировать.

Бай Сяньчэнь поднял его:

— Хватит паясничать, ладно? Даю тебе последний шанс. Последний!

С этими словами он снова двинулся в направлении, указанном прибором.

Чем дальше он шел, тем более фальшивой казалась иллюзия. Ладно бы просто грубая работа, так тут еще и логика отсутствовала: при такой ледяной стуже кругом должны быть сугробы и иней, а не буйная зелень.

«Какой дурак создавал этот мир?»

Пока Бай Сяньчэнь предавался раздумьям, компас в его руке замер.

Артефакт снова вытянул одну механическую лапку, указывая в самую гущу травяных волн.

Подойдя ближе, Бай Сяньчэнь увидел посреди изумрудного моря одинокий призрачно-голубой цветок. В отличие от окружающих картонных трав, он выглядел невероятно живым и прекрасным; на каждом лепестке проступал тончайший узор.

Травы шумели под порывами ветра, создавая масштабный гул, но голубой цветок покачивался легко и грациозно. С его пышных лепестков время от времени осыпались серебристо-белые искры, похожие на снежинки.

Бай Сяньчэнь, дрожащий от холода, изначально не был настроен любоваться флорой, но этот цветок был особенным. Юноша невольно восхитился и присел рядом, изучая растение.

Спустя минуту он спросил компас:

— Это и есть вещь, которую искал Ван Кэ? Или это нефритовый кролик Линь Цзина?

Лопань вытянул лапку, на конце которой сформировалось подобие крошечной ладони. Механическая кисть медленно качнулась из стороны в сторону: «ни то, ни другое».

Бай Сяньчэнь потер лоб, чувствуя смертельную усталость:

— ...Мне некогда с тобой играть.

Механическая рука снова указала на цветок, а затем неуклюже изобразила жест «большой палец вверх».

Значит, этот цветок полезен?

Бай Сяньчэнь не решился сорвать его сразу. В иллюзорных мирах нельзя трогать вещи наобум: чем красивее предмет, тем он опаснее. Особенно такой приметный цветок – одно неловкое движение, и он может обернуться финальным боссом этой локации и устроить кровавую баню.

Пока Бай Сяньчэнь колебался, компас закрутился сам по себе, и центральная стрелка снова замерла на отметке: «Уцзю».

Бай Сяньчэню и в голову не могло прийти, что компас имеет в виду Се Уцзю. Он решил, что Лопань просто выдал ему умеренно-благоприятное предсказание «Никакой хулы», подбадривая действовать смелее.

Бай Сяньчэнь не понял истинного смысла, а бессловесный магический артефакт, чьи жесты были весьма ограничены, нисколько не мучился совестью из-за своей путаной подсказки – он сделал всё, что мог.

Поверив предсказанию и вконец измучившись от ледяного ветра, Бай Сяньчэнь быстро протянул руку и осторожно коснулся лепестка.

В момент касания он явственно почувствовал, как цветок, словно живое существо, вздрогнул и замер. «Снег», лениво осыпавшийся с лепестков, перестал падать.

Сердце Бай Сяньчэня екнуло. Ожидая немедленной атаки, он уже приготовился к контрудару. Но цветок просто оцепенел: он не нападал, но и перестал плавно раскачиваться на ветру. Казалось, от этого прикосновения он просто... впал в ступор.

«Ну, вроде пронесло».

Похоже, это был какой-то глуповатый и безобидный цветок.

Бай Сяньчэнь выдохнул, придвинулся ближе и мягко накрыл лепестки ладонью, не скупясь на похвалу:

— Какая же ты прелесть.

Цвет был удивительно глубоким: от насыщенной синевы в самой сердцевине до почти прозрачного бело-голубого края. Лепестки на ощупь были невероятно холодными; ледяные нити холода начали просачиваться сквозь ладонь в самое тело.

Красивый и ледяной. Прямо как кое-кто другой.

Пока Бай Сяньчэнь заворуженно смотрел на находку, компас снова привлек его внимание механической рукой и изобразил жест, имитирующий срывание цветка.

Бай Сяньчэнь тронул лепесток пальцем, решив сначала договориться по-хорошему:

— Ледяная Красавица, не хочешь пойти со мной? Хочешь посмотреть на мир снаружи? Здесь слишком холодно, не место для такого прекрасного цветка. Я заберу тебя отсюда, найду жилье получше... Если не согласна – моргни. Не моргаешь? Значит, согласна.

Цветок, разумеется, моргать не умел. Пользуясь этим наглым предложением, Бай Сяньчэнь начал разгребать землю вокруг стебля, надеясь забрать растение целиком, не повредив корни.

Однако под землей холод оказался еще лютее. Почва, в которой сидел цветок, будто состояла из вечного льда. Пальцы Бай Сяньчэня мгновенно онемели. Он инстинктивно применил внутреннюю силу – пламя родилось на кончиках его пальцев, начало расползаться и случайно лизнуло землю.

Раздалось несколько оглушительных ударов, и всё пространство содрогнулось!

Голубой цветок внезапно повалился набок, и Бай Сяньчэнь поспешно подхватил его в ладони.

Как только цветок отделился от корней и покинул почву, небо иллюзорного мира пошло трещинами. Казалось, пространство вот-вот рухнет.

«Значит, чтобы выйти, нужно было сорвать его!»

С цветком в руках Бай Сяньчэнь уже собрался покинуть Зеркало, но внезапно спохватился и снова швырнул компас в сторону.

Лопань применил старый трюк – выставил лапки-опоры и остался цел и невредим.

— А где памятная вещь Ван Кэ? — спросил Бай Сяньчэнь.

Компас предпочел прикинуться мертвым.

Бай Сяньчэню было недосуг спорить с ненадёжным артефактом. Он спрятал цветок за пазуху и направился к выходу; перепуганный Лопань успел лишь вцепиться лапками в край его халата.

Юноша почувствовал, что цветок в его одеждах словно заворочался, пытаясь выбраться.

Лепестки были такими холодными, что в момент движения стужа просочилась сквозь нижнее белье к самой груди. Бай Сяньчэнь вздрогнул, похлопал себя по груди, прижимая цветок обратно:

— Не бойся. Я позабочусь о тебе.

<http://bllate.org/book/19453/1908639>